

УДК (477.83/.86-05):355.311.2(450+342.7)"1919-1920"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/59/8

ВОЕННОПЛЕННЫЕ РУСИНЫ В ИТАЛЬЯНСКИХ ЛАГЕРЯХ: ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ, КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ (1919 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1920 г.)

И.В. Срибняк¹, В.А. Шатило²

¹ Институт всемирной истории НАН Украины

Украина, 01030, г. Киев, ул. Леонтовича, 5

E-mail: i.sribnyak@gmail.com

² Киевский национальный лингвистический университет

Украина, 03150, г. Киев, ул. Большая Васильковская, 73

E-mail: vash13@ukr.net

Авторское резюме

В статье предпринята попытка охарактеризовать условия содержания и процесс культурно-национальной самоорганизации военнопленных русинов в итальянских лагерях в 1919 – первой половине 1920 г., а также раскрыть особенности их репатриации в очерченный период. На основе использования архивных источников и материалов прессы сделан вывод, что условия содержания военнопленных русинов в Италии были неблагоприятными, а иногда и крайне тяжелыми. Они содержались в деревянных бараках, часто в помещениях бывших тюрем и монастырей, которые совершенно не были приспособлены для этой цели, не имели элементарных гигиенических удобств. Усложняло положение военнопленных и то обстоятельство, что их использовали на тяжелых физических работах (засыпке старых окопов, прокладке железнодорожных путей, строительстве промышленных объектов и др.). Кроме того, во время пребывания в плену им фактически не предоставлялась врачебная помощь, имела место информационная блокада, была усложнена переписка с родными. Вместе с тем питание пленных вначале было более-менее сносным, значительно ухудшившись только к концу 1917 г. Все это подтачивало душевные силы военно-

пленных русинов и крайне негативно отражалось на их моральном состоянии. Важнейшей проблемой для пленных русинов после окончания войны всегда оставалась их репатриация домой, однако в силу целого ряда объективных причин дипломатия УНР была не в состоянии организовать их выезд. Уже к концу 1919 г. военнопленные русины убедились в бесперспективности всех апелляций к директории УНР из-за ее неготовности предоставить им хотя бы минимальную гуманитарную помощь, после чего сотни и тысячи галичан выехали домой, воспользовавшись снаряженными польским правительством транспортом, фактически признав себя гражданами Польши. Сравнительно небольшая часть русинов примкнула к российскому белому движению, еще одна группа русинов (входивших в состав украинской громады лагеря Кассино) последовательно декларировала свою преданность идеалам УНР, репатриировавшись летом 1920 г. в Австрию и далее в Чехословакию.

Ключевые слова: военнопленные русины, лагерь, журнал, репатриация, Кассино, Италия.

RUSIN PRISONERS OF WAR IN ITALIAN CAMPS: LEGAL STATUS, CONDITIONS OF DETENTION, CULTURAL AND NATIONAL SELF-ORGANIZATION (FROM 1919 TO THE FIRST HALF OF 1920)

I.V. Sribnyak¹, V.A. Shatilo²

¹ The Institute of World History
of the National Academy of Science of Ukraine
5 Leontovych Street, Kyiv, 01030, Ukraine
E-mail: i.sribnyak@gmail.com

² Kyiv National Linguistic University
73 Velyka Vasylkivska Street, Kyiv, 03150, Ukraine
E-mail: vash13@ukr.net

Abstract

The article attempts to characterize the conditions of detention and cultural and national self-organization of Rusin prisoners of war in the Italian camps in 1919 – the first half of 1920 and reveal the specificity of their repatriation in the above-stated period. Drawing on the archives and press materials, the authors conclude that the Rusin

prisoners of war in Italy suffered mostly inhospitable and sometimes extremely harsh conditions of detention. They lived in wooden barracks, former prisons and monasteries, completely unsuitable for the purpose, without basic hygiene conveniences. The prisoners of war were used for menial labour (backfilling, laying railway tracks, building industrial facilities, etc.). Besides, they did not receive medical assistance, lived in an information blockade, and could not correspond with their relatives. Initially, their diet was fairly good and declined significantly only by the end of 1917. These factors in complex undermined the mental strength of Rusin prisoners of war and affected their morale. The war over, they faced a most important problem of repatriation – due to a number of objective reasons, UPR diplomacy failed to organize their departure. By the end of 1919, Rusin prisoners of war understood the futility of their appeals to the UPR Directorate because of its unwillingness to provide them with at least minimal humanitarian assistance, after which hundreds and thousands of Galicians went home, using the transportation provided by the Polish government, thus actually recognizing themselves as citizens of Poland. A relatively small number of Rusins joined the Russian White movement, another group of Rusins (who were part of the Ukrainian community of the Cassino camp) consistently declared their loyalty to the ideals of the UPR, repatriating to Austria and further to Czechoslovakia in the summer of 1920.

Keywords: Rusin prisoners, camp, journal, repatriation, Cassino, Italian.

Первая и весьма отрывистая информация о военнопленных русинах (галичанах) из состава австро-венгерской армии была приведена в статьях украинских публицистов – представителей диаспоры, которые сконцентрировали свое внимание, прежде всего, на установлении их общего количества в Италии. По оценкам этих исследователей, в итальянских лагерях содержалось около 70–100 тыс. русинов родом из Галиции, Буковины и Закарпатья [17: 13; 18: 48].

Отдельные упоминания о военнопленных из этих регионов (а также с Надднепрянской Украины) в контексте деятельности в Италии Чрезвычайной военной миссии УНР во главе с А. Севрюком присутствуют в исследованиях современных украинских историков [3: 434–448]. К системной разработке данной проблемы приступил и один из авторов этой статьи, сосредоточившись на изучении положения военнопленных галичан в отдельных лагерях [28: 96–100; 29: 36–59] и специфики их репатриации [29: 344–357; 30: 52–74]. В последующем этой тематики в контексте изучения итальянско-украинских межгосударственных отношений коснулись В. Соловьева и Я. Попенко [23: 297–309; 24: 64–79; 26: 105–113; 27].

Объектом исследования Н. Сидоренко стала лагерная пресса военнопленных галичан в Италии. С этой целью ею были исполь-

зованы материалы лагерных журналов «Полонений» и «Лязарони». К заслугам автора следует отнести и воспроизведение отдельных иллюстраций в приложении к подготовленной ею монографии [25: 107–129, 191, 201–202]. Обширный материал о пребывании военнопленных русинов в итальянском плену был собран и опубликован И. Патером, который в своей работе опирался на материалы украинских эмигрантских изданий и опубликованные ранее труды [20: 39–60]. Значительный пласт информации о лагере Кассино был актуализирован после выхода монографии итальянского историка Карла Нардоне [45].

Предлагаемая статья содержит дополнительный пласт информации о ситуации в нескольких лагерях военнопленных русинов в Италии, для чего были использованы материалы трех украинских архивохранилищ, а также отдельные факты, почерпнутые со страниц украинской эмигрантской прессы. В этом отношении значительную источниковую ценность представляют, в частности, воспоминания бывшего «кассинца» П. Гошовского [8: 2–3; 9: 53–55; 10: 5–11]. Особый интерес могут иметь и размещенные в приложении к этой статье рисунки из упомянутых лагерных журналов, позволяющие представить некоторые аспекты лагерной повседневности военнопленных галичан в Кассино.

Изложение целостного массива информации о режиме содержания военнопленных русинов в итальянских лагерях целесообразно предварить коротким теоретическим сюжетом, посвященным проблеме регулирования правового положения данной категории военнослужащих. Как известно, регулирование вооруженного конфликта, в т. ч. и военного плена и режима, который устанавливает нахождение военнопленных во власти неприятельского государства, является важным и актуальным вопросом международного гуманитарного права. Под режимом военного плена следует понимать совокупность международно-правовых норм, регулирующих правовое положение военнопленных. В международном гуманитарном праве различают две категории лиц с точки зрения их принадлежности к вооруженным силам.

Пользуясь таким критерием деления, выделяют сражающихся (комбатантов) и не сражающихся (некомбатантов). Комбатанты – это лица, входящие в личный состав вооруженных сил стороны, участвующей в конфликте, выполняющие боевую задачу с оружием в руках. Против них противоположной стороной может применяться оружие. Находясь во власти неприятельской державы, они являются военнопленными, и на них распространяется режим военного плена [1: 693].

Однако до второй половины XIX ст. в международном праве не было многосторонних соглашений, устанавливавших режим военного плена. Наиболее полно он был разработан на II Гаагской конференции мира в Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 5 (18) октября 1907 г. (участниками этой конференции были 44 государства, в т. ч. Италия, Австро-Венгрия, Российская империя). Конвенция имела приложение о военнопленных, насчитывавшее 14 статей.

Ее 6-я статья регламентировала возможность использования труда военнопленных, и в соответствии с ней правительства могли привлекать пленных к работам, но только сообразно их чинам и способностям и за исключением офицеров. Причем эти работы не должны были быть слишком обременительными и иметь какое-либо отношение к военным действиям. Военнопленным было разрешено работать на государственных предприятиях или у частных хозяев. Также было предусмотрено, что часть заработка пленных должна была быть использована для улучшения их положения, а остаток выдавался им при освобождении (за вычетом расходов на содержание).

Согласно 7-й статье Конвенции 1907 г., содержание военнопленных возлагалось на правительство, во власти которого они находились. Если между воюющими государствами не было подписано особого соглашения, то пленные пользовались такой же пищей, помещением и одеждой, как военнослужащие державы, взявшие их в плен.

Военнопленные были обязаны подчиняться законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находились. В 8-й статье Конвенции 1907 г. отмечалось: «Всякое неповиновение с их стороны дает право на применение к ним необходимых мер строгости...», в частности различного рода дисциплинарных взысканий. Лица, бежавшие из плена и задержанные ранее, чем покинут территорию, занятую неприятельской армией, взявшей их в плен, подлежали дисциплинарным взысканиям. Если военнопленный совершал удачный побег, но вновь был взят в плен, он не подлежал никакому наказанию за свой прошлый побег [15: 44].

Статьи 14-я, 15-я и 16-я Конвенции 1907 г. о военнопленных регулировали деятельность обществ для оказания помощи пленным: справочных бюро, различных благотворительных организаций. Они могли взаимодействовать с международными комитетами Красного Креста (МККК), которые были уполномочены для проведения выборочных проверок состояния военнопленных. МККК всегда участвовал в оказании помощи жертвам войны, в т. ч. и военнопленным. В их обязанности входила материальная и моральная помощь пленным, периодический контроль обращения с ними, их содержания в лагерях,

соответствия состояния военнопленных нормам, предусмотренным международными конвенциями.

Таким образом, II Гагская конвенция о военнопленных 1907 г. стала одним из первых документов, регулирующих международно-правовые отношения, устранив правовой пробел в решении вопроса военнопленных. Конвенция впервые рассматривала такие проблемы, как отношение к пленным со стороны пленившего их государства, их устройство в лагерях, использование на работах, наказание за провинности, поощрение, вопросы репатриации и т. д. Вместе с тем Конвенция о военнопленных 1907 г. не касалась таких областей содержания пленных, как норма их питания, медицинское обслуживание, устройство госпиталей, перемещение и т. д.

Одним из последствий присоединения Италии к Антанте и начала военных действий против Австро-Венгрии (май 1915 г.) стало создание фронта в высокогорье Альп (район Трентино и долина реки Изонцо). В начальной фазе командование австро-венгерской армии предприняло переброску туда значительного количества полков, сформированных преимущественно из числа мобилизованных в ее ряды русинов, происходивших из разных регионов Галиции, Буковины и Угорской Руси [31: 109]. Одной из причин такой диспозиции «национальных» по своей сути русинских подразделений стали обоснованные сомнения командования австро-венгерской армии в целесообразности их широкого использования на Восточном фронте.

Дело в том, что личный состав подразделений, сформированных преимущественно из галичан, отличало нежелание воевать за чуждые им интересы империи на Восточном фронте. К тому же немаловажное значение имело и то обстоятельство, что русская императорская армия массово комплектовалась украинцами-надднепрянцами, которые были близки русинам как в ментальном, так отчасти и в религиозном отношении. Следует учитывать и то, что в среде галичан все еще было сильно влияние адептов русофильства, что способствовало консервации в сознании русинов постулатов теории «единого русского народа».

Во множестве случаев это приводило к снижению боевого духа значительной части галичан, буковинцев и угрорусов в ходе противостояния Русской императорской армии, и, как следствие, они были недостаточно надежны в оборонно-наступательных операциях. Особое беспокойство вызывали элементы неформальной кооперации между русинами и украинцами-надднепрянцами в периоды временного затишья на фронте [19: 76]. И уже совершенно деморализующими

были случаи массовой сдачи русинов в плен на Восточном фронте. В то же время моральный дух добровольцев из числа украинских сечевых стрельцов был очень высок, обуславливая их упорство в боях с противостоявшими им частями российской армии.

В силу всего этого русины массово отправлялись именно на итальянский фронт. По подсчетам украинского историка И. Патера, там дислоцировалось 11 пехотных полков, в которых русины составляли от 27 до 73 % личного состава; еще больше (от 40 до 80 %) галичан служило в четырех уланских полках; в своем большинстве русинскими были шесть полевых артиллерийских бригад; значительное количество галичан проходили службу и в шести штурмовых куренях, а также в еще нескольких подразделениях австро-венгерской армии [20: 42].

Одним из последствий их участия в боях с итальянской армией было пленение отдельных лиц и групп из числа военнослужащих русинской национальности, после чего они размещались в многонациональных лагерях, которые были созданы в Италии для временного содержания военнопленных. По данным МИД УНР, их общее количество после окончания Первой мировой войны составляло около 115 тыс. солдат и офицеров [33: 101–102].

Условия пребывания военнопленных разных национальностей (в т. ч. и русинов) в Италии были в большей мере неблагоприятными, а иногда и крайне тяжелыми. Они содержались в деревянных бараках, часто в помещениях бывших тюрем и монастырей, которые совершенно не были приспособлены для этой цели, не имели элементарных гигиенических удобств. Усложняло положение пленных и то обстоятельство, что их использовали на тяжелых физических работах (засыпке старых окопов, прокладке железнодорожных путей, строительстве промышленных объектов и др.).

Вместе с тем питание военнопленных вначале было более-менее сносным, значительно ухудшившись только в конце 1917 г. Особенно неблагоприятной была ситуация в лагерях Прокольо (близ Вероны), Касале (Казале) д'Альтамура и Кассино. Это привело к массовым заболеваниям тифом, особенно среди солдат. К тому же лагеря часто находились в нездоровых малярийных местностях, что также фатально отражалось на здоровье военнопленных [34: 14].

В лагере на острове Азинара только за 1915 г. из 36 тыс. военнопленных разных национальностей от тифа умерло 34 тыс. [11: 149]. При этом пленные были ограничены в получении квалифицированной медицинской помощи из-за отсутствия достаточного количества врачей и оборудованных госпиталей. Не хватало и лекарств, что также обуславливало высокий процент смертности среди пленных.

Особенно тяжело приходилось солдатам-русинам, которые были сконцентрированы в больших лагерях или работали в сельскохозяйственных округах, где климат был крайне неблагоприятен. Вследствие этого значительное их количество переболело малярией.

Однако, несмотря на все сложности лагерного существования, часть пленных офицеров-галичан пыталась установить контакты с украинскими организациями. Об этом свидетельствует множество писем, которые приходили, в частности, в редакцию франкоязычного еженедельника «L'Ukraine» («Украина») в Лозанне (Швейцария). Так, к примеру, поручик М. Олийнык из лагеря в Бибиене в своем письме (от 24 декабря 1918 г.) отмечал, что «жизнь украинцев-военнопленных очень ничтожна, как и повсюду в итальянских лагерях». Он обращался к редакции с просьбой «основать украинско-итальянское общество, чтобы объединить наши усилия» и таким образом облегчить положение пленных галичан [42: 1].

Еще один офицер, поручик Ф. Водянюк, который находился в лагере Форте Спероне, в своем недатированном письме редактору «L'Ukraine» Е. Бачинскому предлагал поднять перед итальянским правительством вопрос «относительно организации национальных полков с военнопленных украинцев <...> для борьбы с большевизмом». Он был убежден, что эту идею поддержит большая часть галичан, которые «будут защищать <...> свою державу», и что «офицеры уже готовы к вступлению в армию и тренировкам (школенью. – И.С., В.Ш.), а для простых солдат необходимо будет немного пропаганды, чтобы они достаточным образом осознали патриотический смысл этого дела» [42: 5].

Однако действительность очень скоро развеяла эти надежды, т. к. из-за своего чрезвычайно сложного внешне- и внутреннеполитического положения УНР не имела возможности предпринять хотя бы минимальные усилия для организации репатриации своих граждан из итальянских лагерей. И это после того, как в Италию была отправлена Чрезвычайная военная миссия УНР, деятельность которой, как оказалась впоследствии, была совершенно неэффективной [30: 62–74]. В то же время в лагерях военнопленных активно действовали военные представители Польши, Румынии и генерала А. Деникина, которые призывали галичан присоединяться к представляемым ими армиям. Почти всегда эта агитация подкреплялась денежным вознаграждением и улучшением питания для тех, кто выказывал таковое желание. Под влиянием агитации посланцев возрожденной Польской державы тысячи военнопленных галичан, которым было обещано скорое возвращение домой, были записаны в польские легионы.

Эта агитация стала особенно успешной там, где военнопленные

русины не были объединены в национальные организации, как это, в частности, имело место в лагере Санта Мария, где значительное их число записалось в состав польских транспортов, чтобы поскорее вернуться домой [41: 36]. Этот процесс особенно усилился после оглашения решения Парижской мирной конференции о передаче Восточной Галиции Польше. После этого итальянские военные власти начали издавать в лагерях поименные приказы, которыми директивно определяли государственную принадлежность военнопленных галичан как польских граждан. Впоследствии МЗС УНР оценил количество вывезенных польскими транспортами галичан в 36 тыс. солдат [40: 28].

Параллельно среди военнопленных велась широкая агитация за их вступление в состав Добровольческой армии (в частности, в «Малороссийский легион для освобождения русских земель от большевизма») [4: 18], которая была активизирована усилиями нескольких галицких русофильских организаций («Русско-галицкие эмигранты в Праге», «Карпаторусский комитет в Риме» и др.). Последний в своем воззвании предупреждал: «Кто будет теперь с врагами, тот будет предателем: такой заведет свой народ в новую эру рабства, он будет проклят, и мать плюнет ему в глаза!» [18: 43–44]. Такая риторика имела определенное воздействие на часть военнопленных русинов (1 800 солдат и офицеров в итоге выехали на пополнение армии А. Деникина) [40: 28].

Однако, несмотря на все усилия представителей польских и российских военных миссий, значительная часть галичан отказывалась воевать за чуждые им интересы, предпринимая попытки национально-культурной самоорганизации. Так, например, поступили военнопленные русины в лагерях Роверето (поблизости Вероны) и Арсьеро, где находилось несколько десятков тысяч солдат разных национальностей. Несмотря на нищенское существование, они сумели основать свой хор и открыть небольшую библиотечку (книги для нее были присланы из Канады). В офицерском отделении лагеря издавался рукописный журнал в одном экземпляре (его название установить не удалось). В декабре 1918 г. офицеры-русины обратились к итальянским властям с просьбой разрешить им сформировать национальный галицкий полк для борьбы с большевиками, но не получили ответа на свое обращение [32: 8].

Пленные русины пытались заручиться поддержкой дипломатии УНР, справедливо полагая, что ее первоочередная задача – содействие возвращению домой невольников из плена. Значительная часть галичан отстаивала свою национально-государственную принадлежность, признавая себя гражданами УНР. Так, в частности,

военнопленные из лагеря Пиццегетоне (провинция Кремона) в своем письме Чрезвычайной военной миссии УНР от 26 февраля 1920 г. за подписью Г. Ананийчука настаивали на том, что не считают возможным возвращаться домой «с трактовкою их как поляков», а хотели бы «вернуться на Отчизну честными горожанами Украины» [41: 33].

Военнопленные из лагеря Виковаро в своем письме от 29 февраля 1920 г. за подписью Богдана Мацюрака сообщали упомянутой миссии о приходивших им посланиях от родных и друзей, в которых те настоятельно рекомендовали им использовать возможность обратиться к польской миссии, ускорив, таким образом, свой выезд домой. Часть галичан посчитала, что такой путь действительно позволит им простейшим способом вернуться, вследствие чего из 900 галичан 715 солдат согласились принять польское гражданство и выехать домой, однако остальные придерживались принципиальной позиции, посчитав для себя неприемлемым воспользоваться таким путем возвращения на родину. Им была крайне необходима моральная поддержка. Эта группа военнопленных жаловалась только на одно: «Пищи духовной нам не хватает! Нечем подкрепить ослабленный дух!» [41: 37].

Однако далеко не все лагерные русинские сообщества проявляли признаки организованной национальной жизни. В частности, по состоянию на конец 1919 г. никакой активности в этом отношении не проявляли военнопленные русины из лагерей Терразини (около 1 000 солдат), Милаццо (до 600), Санта Мария (4 000) [7: 6]. В лагерях Виттория на о. Сицилия содержалось 1 100 пленных галичан, в Касале д'Альтамура – 1 572, но и там не наблюдалось ничего того, чтобы могло бы свидетельствовать о хотя бы минимальном уровне их самоорганизации. Объяснением такому состоянию вещей может стать письмо Юлиана Гальки из лагеря Виттория, в котором он характеризовал итальянский плен как «чистилище», в котором «все закрыты <...> под штыками, как во время войны», а само существование в нем «такое безрадостное, такое нудное, такое зверское <...>» [5: 46–47].

Неудивительно, что, оказавшись в таких условиях, часть военнопленных погружалась в собственный внутренний мир, пытаясь уйти от неприглядных реальностей лагерного существования. Апатия и разочарование во всех и во всем овладевали некоторыми из них, и они безучастно и равнодушно относились ко всему, что с ними происходило. Однако среди военнопленных русинов были и те, кто находил в себе силы для того, чтобы попытаться изменить жизнь к лучшему. Прежде всего это касалось членов лагерной русинской громады в лагере Кассино, условия пребывания в котором были более сносными по сравнению с другими лагерями военнопленных в Италии.

Этот лагерь, где содержались солдаты и офицеры из противостоявших Италии армий государств Четвертного союза, был создан летом 1915 г. поблизости одноименного итальянского местечка в 130 км на юго-восток от Рима. Военнопленные разных национальностей и государственной принадлежности содержались в отдельных секциях, проживая в кирпичных помещениях барачного типа. С самого начала их пребывание в лагере было довольно нелегким – прежде всего, из-за не всегда удовлетворительного питания и отсутствия надлежащей врачебной помощи, хотя последнее было характерно едва ли не для всех лагерей военнопленных в Италии.

Среди всей массы пленных разных национальностей в Кассино оказались и галичане, которые наравне со всеми были вынуждены выдерживать все тяготы лагерной изоляции. Бывший узник лагеря Н. Самборский (в феврале 1919 г. его репатриировали домой как инвалида) так характеризовал Кассино и условия пребывания в нем: «Лагерь большой, приготовленный на 2 тысячи офицеров и 20 тысяч мужвы (солдат. – *И.С., В.Ш.*). Огражден высокими стенами. Мурованные бараки без потолка и печей, места в одном таком на 250–300 мужвы <...>. Помещения холодные, сырые, переполненные. Продукты недостаточные и неудовлетворительного качества» [43: 35].

Дневной рацион пленных солдат составлял: на завтрак – около 60 г черного горького кофе, на обед – порция жидкого рисового или макаронного супа, на ужин – сельдь или свекла, причем часто не первой свежести. Ежедневно военнопленные получали 250 г хлеба, дважды в неделю им выдавалось по 150 г мяса (мула) [6: 150]. Неблагоприятный режим содержания и скудное питание приводили к тому, что только с 7 декабря 1916 г. по 14 сентября 1919 г. в Кассино умерло 119 военнопленных галичан, причем наибольшее количество их смертей (111 солдат) наблюдались в последние полтора года указанного периода [36: 1–4].

Однако, несмотря на все трудности лагерной жизни, среди пленных офицеров-русинов нашлась «критическая масса» военнослужащих, достаточная для того, чтобы основать свою организацию для активизации культурно-национальной жизни ее членов. Ее организационное оформление состоялось в конце 1918 г., когда 70 офицеров основали Украинскую громаду во главе с поручиком Михаилом Грынивым [42: 2]. Руководящим органом громады стала управа, в состав которой были избраны буковинцы поручик Теодор Чернопиский, четари Корнил Крушельницкий, Роман Мейский, доктор Иван Мельницкий, хорунжий Иван Бордейный и др. [37: 2–3].

Одним из наиболее значительных творческих достижений громады стало издание беллетристического неперIODического рукописного

журнала «Полонений» («Пленный»), в редколлегию которого вошли Роман Навроцкий (ответственный редактор), И. Бордейный и Евгений Вацик. Неоценимую помощь редколлегии в оформлении журнала оказывали хорунжие Ярослав Фартух, С. Дзыдза, Ю. Теодорович и Василий Касиян [25: 118]. Первый номер журнала (вышел 25 января 1919 г.) предваряло обращение редакции, объяснявшей его появление «вечной силой людского духа». Своей главной задачей редакция определила «лелеять тут, на скалистой итальянской земле, наше родное слово во всех его проявлениях», и для этого приглашала к сотрудничеству всех способных к творческой работе [2: 1–2].

Среди них был художник В. Касиян, который приложил немало усилий для художественного оформления журнала, проиллюстрировав большинство текстов десяти выпусков «Полоненого». Это забирало очень много времени: по его воспоминаниям, он «последним приходил обедать и первым возвращался на работу – добровольную, общественную». Но благодаря тому, что каждый день в лагере давал художнику новые впечатления, В. Касиян не ощущал усталости и продолжал творить [13: 27, 29].

Центральное место в его творчестве того времени занимали сюжеты, отражавшие разные стороны лагерной жизни, в которых фактическое и увиденное сплеталось в художественный образ, становившийся иногда настолько реалистичным, что превосходил саму действительность. В своих рисунках В. Касиян запечатлел образы своего ближайшего лагерного окружения – военнопленных офицеров-галичан. Вместе с тем он охотно рисовал окружающую его природу, горы, лагерь. Иногда отвлекался: однажды художник написал портрет девушки итальянца-конвоира, который отблагодарил его за это буханкой белого хлеба и бутылкой вина [25: 123].

Деятельное участие В. Касияна в подготовке выпусков журнала «Полонений» превращало выход каждого его номера на культурное событие для всей лагерной русинской громады в Кассино, отчасти утоляя ностальгические чувства пленных. Рисунки художника и сегодня продолжают удивлять мастерством исполнения, типажи военнопленных схвачены настолько верно, что, кажется, можно прочесть их мысли. Использование красок для выполнения рисунков наполняло каждый номер журнала жизнью лагеря, иногда – безрадостной и печальной, а временами – шумной и раскрепощенной.

Следует отметить, что издательская деятельность военнопленных галичан в Кассино не ограничилась выпуском «Полоненого». «Украинская громада» организовала также издание сатирически-юмористического приложения «Лязарони», подготовив семь его номеров [14]. Исходя из тематической направленности приложения, его издатели

постарались вызвать улыбку читателя уже после его ознакомления с подтитульной страницей, поместив на ней такие надписи: «С типографии "Пять пальцев"»; «За редакцию никто не отвечает, т. к. не за что» и др. Кроме того, в лагере выходили рукописная газета «Новые вести» (в одном экземпляре) и журнал «Касинский украинец» [16: 63].

Кроме выпуска лагерных изданий, усилиями членов громады был создан хор (руководитель – четарь Д. Котелко) и обустроена библиотека [39: 146]. Лагерными умельцами были изготовлены и самодельные музыкальные инструменты (в т. ч. и контрабас), благодаря чему стало возможным создание аматорского оркестра [44: 53]. Опираясь на энтузиастов, громада, исходя из своих ограниченных ресурсов, старалась отмечать национальные и религиозные праздники, пытаясь этим хотя бы минимально скрасить военнопленным сложности лагерной жизни [8: 2–3; 10: 10].

В частности, громада организовала проведение в лагере «торжественного праздника в честь Тараса Шевченко», которое состоялось 9 марта 1919 г. Его программа включала реферат И. Бордейного и концертную часть (сольные и хоровые выступления по мотивам произведений Т. Шевченко) [21: 13]. Кроме того, редколлегия журнала «Полонений» подготовила выпуск иллюстрированного акварельными и графическими рисунками специального (третьего) его номера, посвященного Кобзарю [22].

Украинцы в Кассино (в начале марта 1919 г. в лагере насчитывалось около 130 офицеров, а также 3 тыс. солдат) [35: 9] прилагали усилия для того, чтобы привлечь внимание редакций украинских периодических изданий и дипломатических представительств УНР к участи военнопленных галичан. Так, в частности, офицеры Г. Смаль-Стоцкий и Ж. Ромаринский 20 февраля 1919 г. обратились с письмом в редакцию журнала «L'Ukraine», в котором от имени своих товарищей просили «сделать все возможное для того, чтобы получить у итальянского правительства разрешение на формирование из украинцев регулярного войска, предназначенного для борьбы с врагами Украины» или содействовать их «скорейшей репатриации» [42: 3–4].

23 мая 1919 г. они же апеллировали и к главе делегации УНР на Парижской мирной конференции Г. Сидоренко – опять же с просьбой помочь «вернуться на родную землю для борьбы с нашими врагами и для помощи в строительстве нашей державы» [33: 111]. В письме они сообщали, что находятся в лагере вместе с немцами и мадьярами, деля с ними все тяготы плена, хотя военнопленные из числа других славянских народов уже выехали домой или помещены в отдельные лагеря по национальному признаку. Детализируя информацию о своем положении, офицеры отмечали, что их «состояние с точки

зрения питания и <...> материальное положение еще более-менее сносны, однако гигиенические условия очень неблагоприятны: <...> тридцать человек живет в одной узкой комнате», и что «эпидемии, как тиф, стоили <...> уже жертв в людях» [18: 46–47].

По всей видимости, они не получили ответа на свои письма, что порождало скепсис в их сердцах. В этой ситуации громада пыталась разнообразить лагерную повседневность своих членов путем активизации просветительной работы в лагере. Для этого при ней было создано Педагогическое общество, задачей которого стало основание различных образовательных кружков. И хотя хроническая нехватка средств значительно усложняла деятельность упомянутого общества, оно находило возможность поддерживать патронируемые им кружки за счет собираемых пожертвований и членских взносов. Благодаря этому в лагере действовали несколько образовательных курсов: торговый, музыкальный, юридический, итальянского, французского и английского языков, а также курсы вождения [16: 62–63].

Ноябрь 1919 г. принес военнопленным новые испытания, когда комендатура лагеря запретила его «жителям» получать периодику на любых (кроме итальянского) языках [12: 6], после чего они оказались в почти полной информационной блокаде. В этой ситуации члены громады решительно выступили за отмену почтовой цензуры и за предоставление им неограниченных контактов с представителями дипломатических миссий УНР в Италии, а также «представили непорядки, которые происходили с письмами приватными из-за вложенных туда денег с Америки» (итальянские почтальоны тайно их изымали). Обо всем этом шла речь в письме громады (подписанным М. Грынивым и К. Крушельницким), адресованном Чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Италии [41: 35–36].

В то время русинская часть лагеря продолжала существенно уменьшаться – главным образом из-за вынужденного согласия большей части солдат-галичан (около 1 000 чел.) выехать из Италии польскими транспортами. Остальные, не имея больше моральных сил выдерживать дельнейшее пребывание в плену, «разъехались, подшиваясь под имя немцев, чехословаков, мадьяр, по всему свету». Такое их решение было обусловлено желанием быстрее оказаться дома, т. к., как вспоминал кассинец П. Гошовский, «всех манила воля и желание покинуть те проклятые серые стены, которые окружали лагерь и бараки» [10: 10]. В то же время некоторые офицеры считали возможным воспользоваться предложениями представителей польской миссии, как, в частности, поступил в феврале 1920 г. член Украинской громады хорунжий Иван Петрына, который обратился

к ним с просьбой об его отправке в Галицию. Реакцией на этот шаг офицера стало его исключение из рядов громады, а также оглашение его «народным беглецом» [41: 35].

Однако это имело лишь символическое значение – все больше и больше военнопленных выбирали для себя свободу путем выезда домой в Галицию (четарь Марьян Иваницкий и старший десятник Константин Черный). В списках военнопленных русинов присутствуют и такие отметки, как «выехал в рос[сийскую] Совдепию» (такой путь для себя выбрали, в частности, поручики Иван Дудка и Осип Юхнович, четарь Иван Свирский); часть галичан избрала местом своего пребывания Чехословакию, некоторые предполагали добраться до Франции [38: 2, 4, 5, 12, 14 об.].

Члены громады, оставшиеся в лагере (по состоянию на 13 июня 1920 г. в списках военнопленных русинов фигурировало 66 офицеров, 15 подхорунжих, 124 солдата) [38: 1–19], продолжали свою работу. Последним днем их пребывания в Кассино стало 6 июля 1920 г., когда они усилиями Украинского Красного Креста были вывезены в Австрию (лагерь Лебринг), а позднее оказались в лагере Либерцы (Чехословакия). Выезд этой группы бывших военнопленных означал завершение «лагерной эпохи» галичан в Италии, после чего был ликвидирован и сам лагерь в Кассино.

Оглядываясь на годы, проведенные русинами в итальянском плену (в некоторых случаях – до пяти лет), следует отметить, что все время их пребывания там было отмечено скудностью питания и тяжелыми условиями лагерного существования, отсутствием врачебной помощи, информационной блокадой, отсутствием контактов с родными, неготовностью государственных учреждений УНР наладить регулярную гуманитарную помощь узникам лагерей. Все это подтачивало душевные силы военнопленных и крайне негативно отражалось на их моральном состоянии.

Однако и в этих условиях часть военнопленных галичан сумела (хоть и в минимальном объеме) организовать свою культурно-национальную жизнь, обращаясь к редакциям украинских эмиграционных периодических изданий и дипломатии УНР в попытках привлечь их внимание к проблемам русинов в итальянском плену. В свою очередь, сотрудники этих журналов и дипломаты адресовали свои обращения к итальянским властям, что иногда приводило к позитивным изменениям в лагерях, особенно когда это касалось получения разрешений на создание лагерных организаций, призванных защищать культурно-национальные интересы военнопленных русинов.

Благодаря этому часть галичан нашла в себе силы для преодоления трудностей пребывания в плену. Зримым проявлением стремления

пленных русинов к самоорганизации стала лагерная пресса, выпуск которой был налажен усилиями лагерной громады в Кассино. Несмотря на все трудности ее изготовления – вручную, в количестве одного или нескольких экземпляров каждого номера лагерных журналов и стенных газет, последние эффективно удовлетворяли спрос военнопленных на получение информации, кроме того, выполняли важные в условиях плена организационно-мобилизационную и воспитательную функции.

Важнейшей проблемой для военнопленных русинов после окончания войны оставалась их репатриация домой, и в этом случае они вынуждены были обращаться к услугам польской и румынской военных миссий, т. к. дипломатия УНР была не в состоянии организовать их выезд в силу целого ряда объективных причин. Не была использована и готовность части пленных галичан пополнить ряды армии УНР, которая в то время (1919 г.) противостояла РСЧА и Добровольческой армии.

Уже к концу 1919 г. военнопленные русины убедились в бесперспективности всех апелляций к директории УНР из-за ее неготовности предоставить им хотя бы минимальную гуманитарную помощь, после чего сотни и тысячи галичан выехали домой, воспользовавшись снаряженными польским правительством транспортами, фактически признав себе гражданами Речи Посполитой. Только небольшая группа галичан – членов Украинской громады лагеря Кассино – нашла в себе силы сохранить верность выбранной ими национально-государственной принадлежности (УНР).

Репатриация узников итальянских лагерей положила конец тем сложным и неоднозначным процессам, которые происходили в среде военнопленных галичан, сопровождаясь неравномерной дифференциацией русинов на две составляющие – тех, кто в своей основе сохранил русинскую ментальность (большинство), и тех, кто проникся государственно-политическими лозунгами ЗУНР и УНР (меньшинство). Позже особенности национальной политики Польской державы привели к эрозии и дальнейшему разжижению русинской ментальности, вследствие чего доминирующие позиции в галицком политикуме заняло радикально-националистическое течение.

Фрагмент обложки журнала «Полонений» (1919. № 4), издававшегося в лагере Кассино громадой военнопленных офицеров-русинов.

Военнопленные офицеры за игрой в карты в лагере Кассино (карикатура из «Лязарони», сатирически-юмористического приложения к журналу «Полонений». 20 апреля 1919. № 4).

Военнопленные офицеры австро-венгерской армии покупают хлеб во время прогулки вне лагеря (карикатура из «Лязарони», сатирически-юмористического приложения к журналу «Полонений». 2 февраля 1919).

Военнопленные офицеры-русины за чтением журнала «Лязарони» (фрагмент обложки «Лязарони», сатирически-юмористического приложения к журналу «Полонений». 1919. № 3).

Военнопленные офицеры разных национальностей за игрой в футбол (карикатура из «Лязароні», сатирически-юмористического приложения к журналу «Полонений». 25 января 1919. № 1).

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1971. Т. 5.
2. Від редакції // Полонений: неперіодичний белетристичний журнал полонених українців в Кассині. Кассіно, 1919. 25 січня. Ч. 1. С. 1–2.
3. Веденєєв Д., Бурім Д. Дмитро Дорошенко і «справа Севрюка» // Наукові записки: збірник праць молодих вчених та аспірантів. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Київ, 1997. Т. 2. С. 434–448.
4. Воля. Відень, 1919. Ч. 1.
5. Воля. Відень, 1920. 3 квітня. Т. II. Ч. 1.
6. Воля. Відень, 1920. Т. II. Ч. 4.
7. Галька Ю. Українці в італійському полоні // Шлях. 1919. 31 грудня. Ч. 86.
8. Гошовський П. Два дні // Український скиталець. Йозефов, 1922. Ч. 12. С. 2–3.
9. Гошовський П. Два поняття громадянських обов'язків (Спомин з італійського полону з Касіна) // Український скиталець. Відень, 1923. 1 січня. Ч. 1 (23). С. 53–55.
10. Гошовський П. Великдень у таборі Касіні (уривки з повісті-хроніки «Приджджонія») // Український скиталець. Відень, 1923. Ч. 7 (29). С. 5–11.
11. Грицай О. Невольники // Воля. Відень, 1920. 6 травня. Т. II, ч. 4. С. 149.
12. З італійського полону // Шлях. Зальцведель, 1919. 29 листопада. Ч. 78.
13. Касіян В. З мого життя // Дніпро. Київ, 1976. № 4. С. 23–29.

14. Лязароні: сатирично-гумористичний додаток до журналу «Полонений». Кассіно, 1919. 25 січня. Ч. 1–7.
15. Международное право в избранных документах. Т. 3 / Сост. Л.А. Моджоран, В.К. Собакин; отв. ред. В.Н. Дурденевский. М., 1957. 415 с.
16. *Наріжний С.* Українська еміграція: Культурна праця української еміграції між двома Світовими війнами. Прага, 1942. Ч. I. 372 с.
17. *Онацький Є.* Українська дипломатична місія в Італії. Прага, 1941. 20 с.
18. *Онацький Є.* По похилій площі: записки журналіста і дипломата. Мюнхен, 1964. Ч. I. 152 с.
19. *Палієнко М., Срібняк І.* Доля людини на тлі епохи: життєвий шлях Осипа Мельниковича // Вісник Черкаського університету. Серія «Історичні науки». 2015. № 9 (342). С. 75–83.
20. *Патер І.* Галичани на сербському та італійському фронтах і в таборах військовополонених // 3 історії західноукраїнських земель. Львів, 2013. Вип. 9. С. 39–60.
21. Полонений. Кассіно, 1919. 9 марта. Ч. III.
22. Полонений. Кассіно, 1920. 9 марта. Ч. 3 (12).
23. *Попенко Я.* «Признання України – тільки таким чином може бути вирішене східне питання...» (з досвіду взаємин УНР та Італії у 1919–1921 рр.) // Nad Wisłą i Dnieprem. Polska i Ukraina w przestrzeni europejskiej – przeszłość i teraźniejszość. Seria: Historia, Systemy Międzynarodowe i Globalny Rozwój. Toruń-Kijów, 2003–2004. S. 297–309.
24. *Попенко Я.* Дипломатичні відносини Української Народної Республіки з Італійським королівством у 1919–1921 рр. // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія «Історія, економіка, філософія» / Гол. ред. Ю.І. Терещенко. Київ, 2004. Вип. 9. С. 64–79.
25. *Сидоренко Н.* Національно-духовне самоствердження (у 3 ч.). Ч. I: Українська таборова періодика часів Першої світової війни. Київ, 2000. 202 с.
26. *Соловійова В.В.* Дипломатична діяльність Української Народної Республіки в Італії та Ватикані // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2002. Вип. XIV. С. 105–113.
27. *Соловійова В.В.* Українська дипломатія у країнах Центральної Європи 1917–1920 рр. Донецьк: Юго-Восток Лтд, 2004. 171 с.
28. *Срібняк І.* Табір полонених старшин-українців у Кассіно (Італія) у 1918–1920 рр. // Перша світова війна і слов'янські народи: мат-ли міжнар. наук. конф. 14–15 травня 1998 р. Київ, 1998. С. 96–100.
29. *Срібняк І.* Візуалізація повсякдення полонених старшин-українців табору Кассіно (Італія) очима ілюстраторів таборових видань, 1919 – перша половина 1920 рр. // Текст і образ: актуальні проблеми історії мистецтва. Київ, 2019. № 2. С. 36–59. DOI: 10.17721/2519-4801.2019.2.07
30. *Срібняк І.* Українці на чужині. Полонені та інтерновані вояки-українці в країнах Центральної та Південно-Східної Європи (1919–1924 рр.): становище, організація, культурно-просвітницька діяльність. Київ: Київський національний лінгвістичний університет, 2000. 323 с.
31. *Суляк С.Г.* Русинская идентичность (на примере участия гали-

чан в гражданской войне) // Русин. 2015. № 4 (42). С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9

32. Українські полонені в Італії // Шлях. Зальцведель, 1919. 18 червня. Ч. 22.

33. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). Ф. 1075. Оп. 2. Спр. 203. Арк. 101–102.

34. ЦДАВО України. Ф. 3696. Оп. 1. Спр. 216.

35. ЦДАВО України. Ф. 3192. Оп. 1. Спр. 4.

36. ЦДАВО України. Ф. 4430. Оп. 1. Спр. 4.

37. ЦДАВО України. Ф. 4430. Оп. 1. Спр. 2.

38. ЦДАВО України. Ф. 4430. Оп. 1. Спр. 3.

39. ЦДАВО України. Ф. 4186. Оп. 2. Спр. 13.

40. ЦДАВО України. Ф. 3696. Оп. 2. Спр. 334.

41. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО України). Ф. 269. Оп. 1. Спр. 8.

42. Центральний державний історичний архів України, м. Львів (ЦДІА України, м. Львів). Ф. 368. Оп. 1. Спр. 80.

43. ЦДІА України, м. Львів. Ф. 581. Оп. 1. Спр. 196.

44. ЦДІА України, м. Львів. Ф. 309. Оп. 1. Спр. 261.

45. Nardone C. Il campo di concentramento di Cassino-Caira nella Prima Guerra Mondiale. I prigionieri dell'esercito austro-ungarico tra reduci e caduti, tra filosofi, letterati e artisti. Cassino (Italiano), 2018. 447 p.

REFERENCES

1. Prokhorov, A.M. (ed.) (1971) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

2. Anon. (1919) Vid redaktsii [Editorial]. *Poloneniy: neperiodichnyi beletristichnyi zhurnal polonenikh ukraintsi v Kassini*. 25th January. pp. 1–2.

3. Vedeneev, D. & Burim, D. (1997) Dmitry Doroshenko i "sprava Sevryuka" [Dmitry Doroshenko and "Sevryuk's case"]. In: Mavrin, A.A. (ed.) *Naukovi zapiski: zbirnik prats' molodikh vchenikh ta aspirantiv* [Research Notes: a collection of works of young researchers and graduate students]. Vol. 2. Kyiv: Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies. pp. 434–448.

4. Volya. (1919). Part 1.

5. Volya. (1920a) 3rd April.

6. Volya. (1920b) Part 2(4).

7. Galka, Yu. (1919) Ukraintsi v italiys'komu poloni [Ukrainians in the Italian captivity]. *Shlyakh*. 31st December. Part 86.

8. Goshovsky, P. (1922) Dva dni [Two days]. *Ukrains'kiy skitalets'*. 12. pp. 2–3.

9. Goshovsky, P. (1923a) Dva ponyattya gromadyans'kikh obovyazkiv (Spomin z italiys'kogo polonu z Kasina) [Two Concepts of Civic Duties (Memory of the Italian Captivity from Cassin)]. *Ukrains'kiy skitalets'*. 1st January. Part 1(23). pp. 53–55.

10. Goshovsky, P. (1923b) Velikden' u tabori Kasini (urivki z povisti-khroniki "Pridzhyniia") [Easter at the Cassino camp (excerpts from the Chronicle of "Prigion")]. *Ukrains'kiy skitalets'*. 7(29). pp. 5–11.

11. Gritsay, O. (1920) Nevol'niki [Captives]. *Volya*. 6th May. Part 2(4). p. 149.
12. Anon. (1919) Z italiys'kogo polonu [From the Italian Captivity]. *Shlyakh. Zal'tsvedel'*. 29th November. Part 78.
13. Kasiyan, V. (1976) Z mogo zhittya [From my life]. *Dnipro*. 4. pp. 23–29.
14. *Poloneniy*. (1919) Lyazaroni: satirichno-gumoristichnyi dodatok do zhurnalnalu "Poloneniy" [Liaisons: a satirical-humorous addition to the magazine]. 25th January. Parts 1–7.
15. Durdenevsky, V.N. (ed.) (1957) *Mezhdunarodnoe pravo v izbrannykh dokumentakh* [International Law in Selected Documents]. Vol. 3. Moscow: Institute of International Relations.
16. Narizhny, S. (1942) *Ukrains'ka emirratsiya: Kul'turna pratsya ukrains'koï emigratsii mizh dvoma Svitovimi viynami* [Ukrainian emigration: Cultural work of Ukrainian emigration between the two world wars]. Pargue: [s.n.].
17. Onatsky, E. (1941) *Ukrains'ka diplomatichna misiya v Italii* [Ukrainian Diplomatic Mission in Italy]. Prague: Proboem.
18. Onatsky, E. (1964) *Po pokhilyi ploshchi: zapiski zhurnalista i diplomata* [On an inclined square: notes of a journalist and a diplomat]. Munich: Dniprova Khvilya.
19. Palienko, M. & Sribnyak, I. (2015) Dolya lyudini na tli epokhi: zhitteviy shlyakh Osipa Mel'nikovicha [The fate of people against the background of the era: the life path of Osip Melnikovich]. *Visnik Cherkas'kogo universitetu. Seriya "Istorični nauki"*. 9(342). pp. 75–83.
20. Pater, I. (2013) Galichani na serbs'komu ta italiys'komu frontakh i v taborakh viys'kovopolone-nikh [Galicians on the Serbian and Italian fronts and in POW camps]. In: Orlevich, I. (ed.) *Z istorii zakhidnoukrains'kikh zemel'* [From the History of Western Ukrainian Lands]. Vol. 9. Lviv: Ukrainian National Academy of Sciences. pp. 39–60.
21. *Poloneniy*. (1919). 9th March. Part III.
22. *Poloneniy*. (1920) 9th March. Part 3(12).
23. Popenko, Ya. (2003–2004) "Priznannya Ukraïni – til'ki takim chinom mozhe buti virishene skhidne pitannya..." (z dosvidu vzatmin UNR ta Italii u 1919–1921 rr.) ["Recognition of Ukraine – only in this way can the eastern question be resolved..." (from the experience of the relations between the UPR and Italy in 1919–1921)]. In: *Nad Wisłą i Dnieprem. Polska i Ukraina w przestrzeni europejskiej – przeszłość i teraźniejszość. Seria: Historia, Systemy Międzynarodowe i Globalny Rozwój*. Toruń-Kijów: Uniwersytet Mikołaja Kopernika. pp. 297–309.
24. Popenko, Ya. (2004) Diplomaticzni vidnosini Ukraïns'koï Narodnoi Respubliki z Italiys'kim ko-rolivstvom u 1919–1921 rr. [Diplomatic Relations of the Ukrainian People's Republic with the Italian Kingdom in 1919–1921]. *Visnik Kiïvs'kogo natsional'nogo lingvistichnogo universitetu. Seriya "Istoriya, ekonomika, filosofiya"*. 9. pp. 64–79.
25. Sidorenko, N. (2000) *Natsional'no-dukhovne samostverdzhennya (u 3 ch.)* [National and spiritual self-affirmation (in 3 parts)]. Kyiv: [s.n.].
26. Solovyova, V.V. (2002) Diplomaticzna diyal'nist' Ukraïns'koï Narodnoi Respubliki v Italii ta Vatikani [Diplomatic Activity of the Ukrainian People's Re-

- public in Italy and the Vatican]. *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu*. 14. pp. 105–113.
27. Solovyova, V.V. (2004) *Ukrains'ka diplomatiya u krainakh Tsentral'noi Evropi 1917–1920 rr.* [Ukrainian Diplomacy in the Countries of Central Europe 1917–1920]. Donetsk: Yugo-Vostok Ltd.
28. Sribnyak, I. (1998) Tabir polonenikh starshin-ukraintsiv u Kassino (Italiya) u 1918–1920 rr. [Camp of captive Ukrainian elders in Cassino (Italy) in 1918–1920]. *Persha svitova viyna i slov'yans'ki narodi* [World War I and Slavic peoples]. Proc. of the International Conferene. May 14–15, 1998. Kyiv. pp. 96–100.
29. Sribnyak, I. (2019) Visualization of the everyday life of captive Ukrainian elders by the Cassino camp (Italy) through the eyes of illustrators of the camp editions, 1919 – first half of 1920. *Tekst i obraz: aktual'ni problemi istorii mistetstva*. 2. pp. 36–59. DOI: 10.17721/2519-4801.2019.2.07
30. Sribnyak, I. (2000) *Ukraintsi na chuzhini. Poloneni ta internovani voyaki-ukraintsi v krainakh Tsentral'noi ta Pivdenno-Skhidnoi Evropi (1919–1924 rr.): stanovishche, organizatsiya, kul'turno-prosvitnits'ka diyal'nist'* [Ukrainians abroad. Captive and interned Ukrainian soldiers in the countries of Central and South-eastern Europe (1919–1924): situation, organization, cultural and educational activities]. Kyiv: Kyiv National Linguistic University.
31. Sulyak, S.G. (2015) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War). *Rusin*. 4(42). pp. 107–125 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9
32. *Shlyakh. Zal'tsvedel'*. (1919) Ukraïns'ki poloneni v Italiï [Ukrainian captives in Italy]. 18th June. Part 22.
33. The Central State Archives of Higher Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO Ukraïni). Fund 1075. List 2. File 203. Arc. 101–102.
34. The Central State Archives of Higher Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO Ukraïni). Fund 3696. List 1. File 216.
35. The Central State Archives of Higher Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO Ukraïni). Fund 3192. List 1. File 4.
36. The Central State Archives of Higher Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO Ukraïni). Fund 4430. List 1. File 4.
37. The Central State Archives of Higher Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO Ukraïni). Fund 4430. List 1. File 2.
38. The Central State Archives of Higher Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO Ukraïni). Fund 4430. List 1. File 3.
39. The Central State Archives of Higher Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO Ukraïni). Fund 4186. List 2. File 13.
40. The Central State Archives of Higher Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO Ukraïni). Fund 3696. List 2. File 334.
41. The Central State Archive of Public Associations of Ukraine (TsDAGO Ukraïni). Fund 269. List 1. File 8.
42. The Central State Historical Archives of Ukraine, Lviv (TsDIA Ukraïni, m. L'viv). Fund 368. List 1. File 80.
43. The Central State Historical Archives of Ukraine, Lviv (TsDIA Ukraïni, m. L'viv). Fund 581. List 1. File 196.

44. The Central State Historical Archives of Ukraine, Lviv (TsDIA Ukraïni, m. L'viv). Fund 309. List 1. File 261.

45. Nardone, C. (2018) *Il campo di concentramento di Cassino-Caira nella Prima Guerra Mondiale. I prigionieri dell'esercito austro-ungarico tra reduci e caduti, tra filosofi, letterati e artisti*. Cassino (Italiano): [s.n.].

Срибняк Игорь Владимирович – доктор философии Украинского вольного университета (Мюнхен, Германия), доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела теории и методологии всемирной истории Института всемирной истории НАН Украины.

Ihor V. Sribnyak – The Institute of World History of the National Academy of Science of Ukraine (Ukraine).

E-mail: i.sribnyak@gmail.com

Шатило Владимир Анатолиевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой права факультета экономики и права Киевского национального лингвистического университета (Украина).

Volodymyr A. Shatilo – Kyiv National Linguistic University (Ukraine).

E-mail: vash13@ukr.net